

Западносемитская мифология

западносемитская мифология. Мифологические представления западносемитских народов ханаанейско-аморейской (угаритяне и финикийцы, иудеи и израильтяне до становления монотеистического культа Яхве, моавитяне, аммонитяне, эдомитяне) и арамейской групп, населявших с 4-го тысячелетия до н. э.

Сирию, Финикию и Палестину, восстанавливаются на основе источников, имеющих фрагментарный характер, — эпиграфики (со второй половины 2-го тысячелетия до н. э.), включающей упоминания богов и их эпитетов, описания жертвоприношений; археологических материалов; данных ономастики (прежде всего теофорные имена). Некоторые сведения о З. м. имеются в письменных памятниках соседних народов — египетских, месопотамских, хеттских; основу для ряда реконструкций даёт Библия (отразившая добиблейские мифологические представления); определённую информацию содержат произведения греческих и римских, а также эллинизированных ближневосточных авторов (указывающие, в частности, на соответствия западносемитских богов божествам других мифологий).

Эти источники, однако, представляют тенденциозную интерпретацию З. м. Более подробно известны мифологические представления населения Угарита (город-государство на территории Финикии) — по сохранившимся спискам богов, записям мифов, ритуальных текстов, сделанных в XIV в. до н. э. (самые ранние из известных материалов) со слов верховного жреца (местная храмовая традиция). У западносемитских народов не сложилась единая для всех этнических групп система мифологических представлений, несмотря на языковую близость, общность важнейших элементов культуры, постоянные контакты.

В отдельных обществах складывались свои мифологические циклы, типологически тождественные, а часто и сюжетно близкие; наряду с существованием общих имелись и местные, локальные божества; на первый план могли выдвигаться разные боги, в их облике преобладали те или иные черты, появлялись новые. Наличие уже на раннем этапе общих мифов и божеств (в том числе верховных) не привело к формированию единого пантеона; наоборот, в поздней З. м. местные боги играли первенствующую роль и становились верховными божествами, воспринимая атрибуты более ранних верховных богов. Имена богов в З. м. часто были табуированы.

Они, как правило, заменялись эпитетами, прозвищами и другими апеллятивами: Балуг, в более позднем произношении Баал – «хозяин, владыка»; Мильком, Мильк – «царь, хозяин»; Адон – «господь»; Эшмун, Шем – «имя» и т. п. Один апеллятив мог применяться к нескольким богам, иногда определённым, очевидно, составляющим в мифологических представлениях некий «класс»; в таких случаях в применении к одному из этих богов апеллятив нередко сочетался с конкретным эпитетом [Алиййану-Балу, где «Балу» – апеллятив, «Алиййану» («силач») – эпитет]; с другой стороны, апеллятивы могли постепенно превращаться в имена собственные.

Имена богов часто обозначали соответствующий предмет или явление: Рашап, позднее Решеф – «пламя», Йамму – «море», Йарих – «луна» и т. д. Наряду с этим, имена могли принимать значение «бог», как имя Илу, первоначально – «сильный, могучий». В сочетаниях с именами богов часто встречаются термины родства (аб – «отец», ах – «брат», амму – «дядя», и т. п.), что указывает на существование представлений о богах как о сородичах, очевидно, первопредках.

Некоторые боги мыслились как основатели и владыки определённых городов, о чём свидетельствует, например, ряд топонимов: Иерихон – город Йариха, Сидон (Цидон) – Цида, Иерусалим (Йерушалаем) – «построенный Шалиммом» (см. Шалимму и Шахару). Большое место в З. м. занимали календарные мифы; важную роль играл культ богов плодородия; были распространены сюжеты о смене поколений богов, борьбе богов за престол, сил добрых с силами зла.

На раннем этапе верховным божеством, очевидно повсеместно, считался Илу (в более позднем произношении Ил, Эл и др.). Библейские повествования о сотворении мира словом Элохима восходят, несомненно, к палестинским доиудаистическим представлениям об Илу.

Супруга Илу – Асират (в позднейшем произношении Ашера), прамать и владычица богов. В угаритском списке богов Илу предшествует «Илу отцовский», возможно, отец первого, свергнутый им (позднее, в других местностях, отцом Илу считался Баалшамем – владыка неба).

В угаритских мифах власть над миром и богами фактически переходит от Илу (при сохранении им положения верховного бога) к богам младшего поколения. Их борьба за власть – одна из основных коллизий в этих мифах.

Главному претенденту на власть умирающему и воскресающему богу бури и плодородия Балугу, олицетворяющему доброе начало, посвящён важнейший угаритский мифологический цикл. С помощью сестры и возлюбленной — девы-воительницы Анат он борется со своими основными врагами — богом смерти и подземного мира Муту (позднее Мот) и богом водной стихии Йамму.

В борьбе с Муту (возможно, также наделённом плодородной силой) Балуг гибнет, но Анат убивает Муту, и Балуг воскресает. Конфликт между Балуг и Муту постоянно возобновляется.

В Угарите противником Балуг является также и бог плодородия Астар (олицетворение планеты Венера), которому Илу пытаются передать власть после гибели Балуг. Очевидно, победив всех своих врагов, Балуг становится фактическим властелином вселенной.

Особый интерес угаритской традиции к этому персонажу объясняется, по-видимому, тем, что он был богом — покровителем Угарита. В Угарите регулярно устраивалось храмовое действо, инсценирующее миф (также связанный с культом плодородия) о рождении от священного брака Илу богов вечерней и утренней зари Шахару и Шалимму, в результате которого пробуждаются силы природы. Известны угаритские мифопоэтические предания об Акхате и о Карату, в которых участвуют как боги, так и люди. Циклы мифов, группировавшихся вокруг местного бога-покровителя, которые составляли локальную храмовую традицию, имелись и в других обществах Переднеазиатского Средиземноморья. В храме Берита хранились записи мифов, посвящённых богу-покровителю этого города Йево (Иахве).

Из мифологического цикла, посвящённого этому богу, выросла библейская сакральная традиция. По египетским источникам, отражающим, очевидно, палестинско-ханаанейские мифологические представления, известно повествование о Горе (видимо, соответствующем западно-семитскому Астарту), запечатавшем лоно Анат и Астарты, о Сете (Балуг), снявшем печать, о том, как они были отданы Сету в жёны богом солнца Ра (западносемитский Шамшу?), о священном соитии Сета и Анат. В другом мифе рассказывается о том, как Йамму требовал для себя высшей власти среди богов и как Сет победил его. В хеттских памятниках, пересказывающих ханаанейские мифы северной Сирии, рассказывается об Асират (Ашерту), пытавшейся соблазнить Балуг (Баала); выполнив её желания по приказанию Илу (Элькунирши), он унизил её; между Асират и Балуг начинается вражда.

Северосирийские мифы о смене поколений богов, их борьбе за престол имеют параллели в хурритской мифологии; здесь, очевидно, имели место взаимовлияния. С 1-го тысячелетия до н. э. на первый план выдвигаются культы местных богов. В Финикии широко почитался главный бог города Тир, покровитель мореплавания и колонизации Мелькарт, отождествлявшийся греками с Гераклом; он, очевидно, также являлся умирающим и воскресающим богом.

Большое значение в греко-римском мире приобрёл финикийский умирающий и воскресающий бог Адонис, который, согласно реконструированному мифу, гибнет от руки Астара (Арес), ревновавшего полюбившую Адониса Астарту (Афродита). В Берите бытовал миф о безуспешных попытках Адониса стать супругом девы — владычицы этого города; его соперником и победителем был бог моря (Йамму?).

Из других финикийских богов Адонису типологически близок Эшмун. Ещё в доэллинистическое время в Финикии предпринимались попытки систематизации мифов и создания своего рода священного писания. Наиболее значительное из таких сочинений традиция связывает с именем Санхонйатона, жившего, согласно преданию, в Берите (по другим версиям — в Тире) во 2-й половине 2-го тысячелетия до н. э.

Материалы, автором которых считался Санхонйатон, дошли в изложении грекоязычного писателя конца I — начала II вв. н. э. Филона Библиского; фрагменты из его сочинений известны в цитатах, использованных римским историком церкви конца III — начала IV вв.

Евсевием Кесарийским («Об евангельском приготовлении»). Согласно Филону, Санхонйатон использовал храмовую традицию Берита (по материалам Гиеромбала — жреца в храме Йево) и, в частности, изучил «письмена аммунеев», возможно — священные книги, приписывавшиеся богу мудрости Таавту.

У Филона финикийская мифологическая традиция подверглась обработке в духе вульгаризированных идей греческой философии о первоэлементах мироздания и его развитии. Согласно космогонической схеме Санхонйатона — Филона, первоэлементами были воздух и хаос, от которых произошли ветер и желание, породившие Мота — смерть и одновременно жизненная сила, — который имел облик ила.

Он породил все остальные элементы мироздания. В результате вселенской катастрофы ☐ пожара (самостоятельный финикийский сюжет, усвоенный стоицизмом) возник космос и появились живые существа.

От ветра ☐ Колпия и его супруги Баау родились Айон («вечность») и Протогон («перворожденный»); их детьми были Генос и Генея (порождающие существа), которые поклонялись солнцу ☐ владыке неба (Баалшамем?). Среди их потомков выделяются свет, огонь и пламя (Рашап?), открывшие людям способ добывать и употреблять огонь.

От них происходят гиганты, один из которых, Ипсураний, научился строить хижины. Его потомками были изобретатели охоты, рыбной ловли и земледелия. Богами были Элиун, или Эльон [(«всевышний»); он погиб, растерзанный диким зверем], и Берут [(«союз»); возможно, покровительница Берите и (или) какого-либо племенного союза].

От них произошли Уран ☐ небо и Гея ☐ земля, очевидно, первоначально Баалшамем и, может быть, Арцай (☐ ars, «земля»; известна по угаритским мифам как дочь Балу). От Урана родились Эл (Илу) Кронос, Бетэль, Дагон, Атлас, Зевс Демарунт, чьим сыном был Мелькарт, и другие божества.

Эл восстал против Урана и победил его; от Эла рождается новое поколение богов. Филон приводит также изложенный Санхонйатоном миф о том, как Кронос (Эл) принёс в жертву Урану (Баалшамему) своего сына (Eusebius, Praeparatio Evangelica, I, 10, 44 и IV, 16, 156Д; см. Молох); этот миф известен и по изложению греческого философа Порфирия [(конец III ☐ начало IV вв.); Porphyr.

De abst. II, 56]; очевидно, он обосновывал обычай человеческих жертвоприношений. Другую космогоническую схему традиция приписывает финикийцу Моху (2-е тысячелетие до н. э.), сочинения которого известны по изложению греческого философа VI в. н. э.

Дамаския («О первых принципах»). Согласно этой схеме, первоэлементами были эфир и воздух, породившие Улом («вечность»), от которого произошёл Хусор (первоначально Кусар-и-Хусас) ☐ устроитель космоса.

Из половин расколовшегося мирового яйца (возможно, оно было расколото Хусором) возникли небо и земля. В эллинистическую эпоху финикийские боги были отождествлены с греческими; древние традиции сохранялись лишь в храмах и учёной среде. В Карфагене (финикийская колония в Северной Африке) среди западно-семитских богов особо почитались бог солнца и плодородия Баал-Хаммон, отождествлявшийся римлянами с Сатурном, и его спутница Тиннит, отождествлённая с Юноной. С её культом, очевидно, слился культ Дидоны, основательницы Карфагена.

Имело место и почитание других западносемитских богов, в частности Астарты; рано получили распространение культы греческих богов. В Сирии с конца 2-го тысячелетия до н. э. устанавливается господство арамейских племён; местное население усвоило арамейский язык (не отличавшийся существенно от ханаанейско-аморейских языков) как язык письменности. Это привело к контаминации и синтезу культур; сирийская мифология приобрела смешанный ханаанейско-арамейский характер.

Особое распространение получили культы Бела, Хаддада (восходящих к Баал-Хаддаду), Баалшамина (Баалшамема), который быстро занял положение верховного бога. Широко почитался Мелькарт, его культ засвидетельствован, в частности, в Дамаске (в 1-й половине 1-го тысячелетия до н. э.).

По-видимому, тогда же начинает складываться приобретший большое значение в эпоху эллинизма оргиастический культ богини Атаргатис (описанный в трактате Лукиана «О сирийской богине»), супруги Хаддада, в которой слились черты Астарты и Анат. В эллинистическое время сирийские божества, отождествлённые с греческими и приобретшие греческие черты, во многом сохраняли первоначальный характер. Их почитание распространилось далеко за пределы Сирии, а при римских императорах — по всему средиземноморскому миру.

На фоне разочарования греков и италиков в собственной официальной мифологии притягательную силу сирийским культам придавала присущая им таинственная обрядность, связанная со стремлением к постижению потусторонних мистических сил, «правлящих» миром, а также оргиастический характер многих из этих культов. Наибольшее значение приобрело почитание Зевса Гелиополитанского (местный вариант Баалшамина; культовый центр — Гелиополь), Атаргатис, Элагабала, оргиастический культ которого в период правления римского императора Элагабала (218—222), пытавшегося возвести Элагабала в «ранг» верховного божества государственного пантеона, стал важнейшим элементом римской официальной религии.

Широкое распространение (также и за пределами Сирии) получил культ Юпитера Долихенского (Баалшамина; культовый центр — поселение Долихе в Коммагене) с характерными для него мистериями и квазицерковной организацией. Значительную роль играл бог счастья и удачи Гад, выступавший как местный бог-покровитель и отождествлявшийся с греческой Тиха. Одним из важнейших сакральных центров эллинистическо-римской Сирии был Гелиополь с культами Зевса, Геи, Афродиты-Атаргатис и Гермеса (возможно, соответствовавшего Малакбелу).

Вероятно, к местной традиции относится миф о том, что в глубокой древности изображение Зевса Гелиополитанского было доставлено из Египта и в конце концов водворено в Гелиополе. Очевидно, имели место попытки придать культу Зевса Гелиополитанского монотеистические черты. В пантеоне Пальмиры наиболее заметную роль играли две параллельные друг другу триады богов: Бел (верховный бог, владыка мира), Йарихбол («гонец Бола», т. е.

Бела; бог солнца), Аглибол (бог луны) и Баалшамин (глава триады), Малакбел («посланец Бела»; бог солнца, параллельный, а возможно, тождественный Йарихболу), Аглибол. Судя по эпитетам Баалшамина («великий и милосердный», «добрый и воздающий»), вокруг его культа в I—III вв. складывалось религиозно-этическое учение.

Место Баалшамина или Бела в триадах мог занимать бог, именовавшийся «Тот, чье имя благословенно в вечности» (его имя было запретным и нам неизвестно), культ которого широко распространился в Пальмире во II—III вв. и также представлял собой религиозно-этическое учение (он, очевидно, генетически связан с культом Баалшамина). Возможно, что эти триады были тождественны друг другу и являлись фактически одной триадой или имели тенденцию к слиянию.

В Пальмире были широко распространены также культы других общесирийских, вавилонских и древнеарабских богов. Атаргатис почиталась как богиня — покровительница города и была отождествлена с Тиха. Обострение социальных противоречий привело к распространению в Сирии религиозно-этических учений.

Наряду с упомянутыми, весьма популярными были митраизм, манихейство, христианство и др. В III—IV вв. в Сирии, Финикии и её колониях в Северной Африке утвердилось христианство. Это привело к постепенному исчезновению язычества, которое, однако, долго сопротивлялось; поклонение Баалшамину, например, было засвидетельствовано в

Эдессе ещё в V в., а в XII в. Вениамин Тудельский видел в финикийских городах изображения древних богов. В Палестине с первой половины 1-го тысячелетия до н. э. в рамках иудейско-израильского общества началось формирование иудаизма, основанного на монотеистическом культе Яхве, но ещё в эпоху эллинизма в палестинском городе Йамния имело место поклонение Гераклу (Мелькарту) и Хорону.

Литература :

- Herdner A., *Corpus des tablettes en cuneiformes alphabétiques découvertes à Ras Shamra* Ugarit de 1929 à 1939, [v. 1-2], P., 1963;
- Donner H., Röllig W., *Kanaanäische und aramäische Inschriften*, Bd 1-3, Wiesbaden, 1966-69;
- Никольский Н. М., *Политеизм и монотеизм в еврейской религии*, Избранные произведения по истории религии, М., 1974, с. 38-147;
- Тураев Б. А., *Остатки финикийской литературы*, СПб, 1903;
- Albright W. F., Baal Zephon, в кн.: *Festschrift Alfred Bertholet zum 80 Geburtstag*, Tübingen, 1950;
- еро же, *From the stone age to Christianity*, Garden City, 1957;
- еро же, *Yahweh and the gods of Canaan*, L., 1968;
- Baudissin W. von, *Adonis und Esmun*, Lpz., 1911;
- Caquot A., *Le dieu athtar et les textes des Ras Shamra*, «Syria», 1958, v. 35;
- Clemen C., *Die phönikische Religion nach Philo von Byblos*, в кн.: *Mitteilungen Vorderasiatische Gesellschaft*, Bd 42, Lig. 3, Lpz., 1939;
- Cross F. M., *Canaanite myth and Hebrew epic*, Camb. (Mass.), 1973;
- Cumont F. V. M., *Les religions orientales dans le paganisme romain*, P., 1929;
- Dahood M. J., *Ancient Semitic Deities in Syria and Palestine*, в сб.: *Studi semitici*, v. 1, Roma, 1958;
- Cassuto U., *Haela Anat, Yerušalayim*, 1953;
- Du Mesnil du Buisson R., *Les origines du panthéon palmyrénien*, «Mélanges de l'Université Saint-Joseph», 1963, v. 39;
- еро же, *Origine et évolution du panthéon de Tyr*, «Revue de l'histoire des religions», 1963, v. 164;
- еро же, *Etudes sur les dieux phéniciens hérités par l'empire Romain*, Leiden, 1970;
- Dussaud R., *Les religions des Hittites et des Hourrites, des Phéniciens et des Syriens*, «Mana», 1945, v. 2;
- Eissfeldt O., *Baal Zaphon, Zeus Kasios und der Durchzug der Israeliten durchs Meer*, Halle (Saale), 1932;
- еро же, *Molk als Opferbegriff im punischen und hebräischen und das Ende des Gottes Moloch*, Halle (Saale), 1935;
- еро же, *El im ugaritischen Pantheon*, B., 1951;
- еро же, *Tautos und Sanchuniaton*, B., 1952;
- еро же, *Kanaanäisch-ugaritische Religion*, в кн.: *Handbuch der Orientalistik*, Abt. 1, Bd 8, Leiden, 1964;
- Février J. G., *La religion des Palmyréniens*, P., 1931;
- Gaster T. H., *Thespis*, N. Y., [1950];
- Ginsberg H. L., *The Rebellion and Death of Baal*, «Orientalia», 1936, v. 5, fasc. 2, p. 179-80;
- Gray J., *The desert god attr in the literature and religion of Canaan*, «Journal of Near Eastern Studies», 1949, v. 8, № 2;

его же, *The legacy of Canaan*, Leiden, 1965;
Hoftijzer J., *Religio aramaica*, Leiden, 1968;
Kan A. H., *Juppiter Dolichenus*, Leiden, 1943;
Kapelrud A. S., *Baal in the Ras Shamra texts*, Cph., 1952;
Lewy G., *The Old West-Semitic Sun-God Hammu*, «*Hebrew Union College Annual*», 1944, v. 18, p. 454–59;
Oldenburg U., *The conflict between El and Baʿal in Canaanite religion*, Leiden, 1969;
Pope M. H., *El in the Ugaritic texts*, Leiden, 1955;
Pope M. H., Röllig W., *Syrien*, в кн.: *Wörterbuch der Mythologie*, Tl 1, Lfg 2, Stuttg., [б. г.];
Röllig W., *Die Religion Altsyriens*, в сб.: *Theologie und Religionswissenschaft*, Darmstads, 1973, S. 86–105;
его же, *El als Gottesbezeichnung im Phönizischen*, в кн.: *Festschrift Johannes Friedrich zum 65 Geburtstag*, Hdlb., 1959;
Stadelmann R., *Syrisch-palästinensische Gottheiten in Ägypten*, Leiden, 1967;
Sourdel D., *Les cultes du Hauran à l'époque romaine*, P., 1952;
Seyrig H., *Le culte de Bêl et de Báälshamin*, «*Syria*», 1933, v. 14; 3;
его же, *Iconographie de Malakbêl*, там же, 1937, v. 18;
его же, *La parèdre de Bêl à Palmyre*, там же, 1960, v. 37. И. Ш. Шифман.